

Национальная библиотека

выпуск 2 / 2026

Коллектив авторов
Алина Ланина
Национальная библиотека.
Выпуск 02/2026. Проза. Поэзия
Серия «Национальная библиотека
2026 (Четыре)», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74645856
Национальная библиотека. Выпуск 2 : Проза. Поэзия / сост. Алина
Ланина: Четырк; СПб; 2026
ISBN 978-5-908132-93-0

Аннотация

Проект «Национальная библиотека» – это встреча культур на одном развороте книги. Проза и поэзия, собранные здесь, знакомят читателя с укладом, традициями и мироощущением разных народов России. Открывая книгу, вы совершаете путешествие от солнечного Кавказа до Приамурья, от Валдая до советского Казахстана в попытке понять главное: при всём многообразии блюд и обычаев нас всех объединяет любовь к родной земле и стремление к добру.

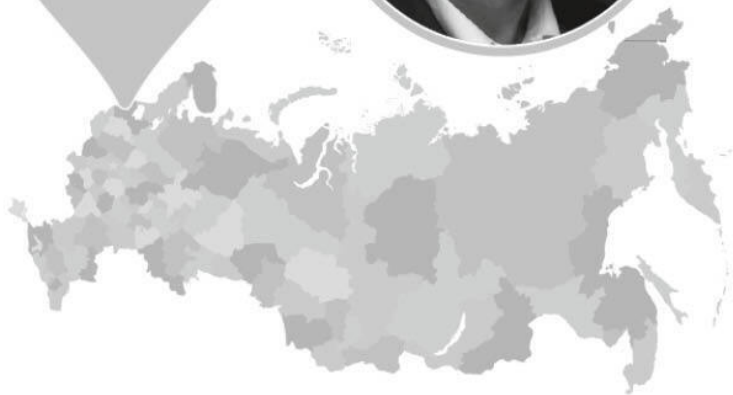
Содержание

Алексей Амурский (г. Санкт-Петербург)	5
Смертельная вахта (главы из романа)	7
Глава первая. Вахта на Крайнем Севере	7
Глава вторая. Скважина № 13	48
Конец ознакомительного фрагмента.	64

**Национальная
библиотека. Выпуск
2/2026. Проза. Поэзия**

© Издательство «Четыре», 2026

Алексей Амурский **(г. Санкт-Петербург)**

Родился 27 марта 1970 года. В 2012 году в изд-ве «Геликон-Плюс» издан первый роман Алексея Амурского «Отражение». Написан роман в жанре фэнтези, боевой фанта-

стики. В 2015 году Алексей закончил работу над романом «Преломление» – продолжением романа «Отражение». Мини-пьеса «Аделаида» написана в 2015 году и нигде ранее не издавалась. Для участия в конкурсе рассказов в Санкт-Петербургской фантастической ассамблее в 2016 году был написан рассказ «Лунатики», где Алексей Амурский участвовал в качестве писателя с разбором своего романа «Преломление» в группе Алана Кубатиева. В 2025 году роман «Преломление» был напечатан в изд-ве «Новые горизонты». В настоящее время Алексей Амурский работает над романом «Смертельная вахта» – в жанрах фантастики, хоррора и катастрофы.

Смертельная вахта (главы из романа)

Катастрофы не случаются просто так, они являются результатом цепочки решающих событий.

Глава первая. Вахта на Крайнем Севере

Тёплый луч солнца мягко прикоснулся к лицу – приятно проснуться ранним утром дома. Колышущаяся на ветру занавеска играла солнечными зайчиками. Оранжевый диск безжалостно светил высоко над горизонтом, раскаляя сухой воздух. С раннего утра началась жара. Конечно, хотелось ещё полежать, подремать в постели, но сегодня не до этого. Нужно успеть обшить до конца пластиком веранду бани и собраться на вахту. В пять часов автобус до железнодорожного вокзала в Петровом Вале, а там – трое суток пути до Ноябрьска.

Умывшись и побрившись, улыбнулся своему отражению в зеркале. В ответ отразилась улыбка худощавого человека с добрыми карими глазами и непослушной причёской. По бокам волосы были выстрижены коротко, а на макушке приходилось их смачивать, чтобы уложить пробором направо, иначе они стояли ёжиком.

Небольшой, чуть заметный шрам над правой бровью –

отпечаток лихих девяностых годов. Напоминание о молодости и о Дальнем Востоке. В то время я занимался восточными единоборствами, начинал с бокса, затем секция пошла в тренде современности – стала кикбоксингом. В одной из уличных драк я заступился за своих товарищей, которых пытались ограбить босяки. В этом неравном бою применил тактику боя сразу против восьми окруживших меня бандитов. Понимая, что голыми руками меня не взять, исподтишка один ублюдок оглушил дубиной по голове, а затем меня, лежащего без памяти, жестоко избили до полусмерти ногами. Чудом выжив в той битве, молодой организм быстро восстановился. Конечно, на время пришлось оставить спорт, только через год я пошёл в секцию карате. На память о тех событиях остался совсем небольшой, светло-розовый, в сантиметр длиной рубец. Потерев его, ещё раз умыл лицо холодной водой, вытерся и пошёл завтракать.

Отдыхающая вахта пролетела незаметно. Закончить обшивку веранды я успел, но вот насладиться результатом своей работы – нет. Быстро собрал чемодан, сбросил домашнюю робу, надел джинсы, майку, в руки взял с собой джинсовую куртку: в чемодан уже не влезла, а вечером на вокзале она мне точно пригодится.

Тёплый осенний свет струился сквозь оконные стёкла, рисуя на стенах причудливые узоры. Я нежно обнял своих любимых – жену Вику и дочку Настеньку. Зелёные глаза Вики, обычно сияющие, теперь были подёрнуты лёгкой пеле-

ной грусти. В них читалась невысказанная печаль предстоящей разлуки.

– Давай присядем на дорожку, – тихо произнесла Вика, осторожно стирая слезинку, скользнувшую по щеке.

Мы сели на наш диван в зале – Вика слева, Настенька справа. Я обнял их, своих самых дорогих людей на всём белом свете, и на мгновение время словно остановилось. В эти минуты весь мир сузился до размеров нашей уютной комнаты, где пахло домом, свежими фруктами, гармонией и любовью.

Сердце наполнилось теплотой, когда я смотрел на своих девочек. Настенька прижалась ко мне, как будто бы ей всего пять лет, доверчиво уткнувшись носиком в плечо. А Вика, склонив голову, тихонько гладила мою руку. Я ощущал, как сердце наполняется теплом, как растворяются в нём все тревоги и заботы. В этот момент я готов был остаться здесь навсегда, казалось, нет места прекраснее этого и нет момента значительней.

– Аркаша, ты взял свои таблетки? – Её голос, обычно такой уверенный, сейчас звучал непривычно мягко, когда Вика отпрянула от моего плеча.

– Викуля, моя аптечка давно собрана и упакована – не переживай, – ответил я, стараясь скрыть волнение за шутивым тоном. – Ты лучше скажи, что тебе привезти?

– Ничего мне не нужно, только возвращайся скорей, – тихо прошептала она, вновь прижимаясь к моему плечу. В её

голосе слышалась такая нежность, что у меня защемило в груди.

– Папочка, а мне привези морошку! – звонким голосом Настя нарушила хрупкую тишину.

– Доченька, знаешь, морошка – ягода особенная, безвкусная, водянистая. – Я старался говорить легко, скрывая тревогу. – И я, боюсь, её не довезу, она в кисель превратится.

– Но, папочка, она же такая красивая на твоих фотографиях – ярко-жёлтая, словно солнышко! – настаивала Настенька. – Привези хоть попробовать, хоть раз!

– Хорошо, обещаю! Привезу тебе морошку, и бруснику, и клюкву. Надеюсь, на вахте будет время сходить в лес.

Внезапно до нас донёсся звук подъезжающей машины. Этот звук словно вернул меня в реальность, где ждали рабочие будни и необходимость отъезда.

– Аркаша, – прошептала Вика, бережно вытирая платком последние следы слёз, – приезжай поскорей. Мы тебя всегда ждём, каждую минуту думаем о тебе.

В её словах было столько любви и преданности, что на сердце стало теплее. Я знал – никакие расстояния не смогут разрушить ту незримую нить, что связывает нас воедино. И пусть впереди ждёт разлука, но наша любовь поможет пережить эти дни, недели, ведь мы знаем, что обязательно встретимся вновь.

Загрузив багаж в такси, на прощанье обнял и поцеловал Вику, оставив в памяти нежные прикосновения её губ. Из ок-

на отъезжающей машины помахал рукой, окинув прощальным взглядом зелёные деревья, клумбу цветов и начинающий краснеть выющийся по дому дикий виноград.

Дом, каким бы он ни был скромным, маленьким, для любого члена нашей семьи он был и есть самым дорогим местом на земле. Он наполнен такой любовью, таким счастьем, что в каких бы краях любой из нас ни странствовал, сколько бы времени ни прошло, сердце всё равно тянется к родному дому. Во всех испытаниях и бедах родной дом – убежище для души.

Через полчаса в автобусе я увидел своих друзей Юрия и Эдуарда, подошёл к ним, поздоровался и сел рядом. Юру и Эдуарда я знал уже более десяти лет. Мы вместе трудились на Макаровском месторождении, только в разных подразделениях – я в электротехнической лаборатории, а ребята работали от цеха автоматизации контрольно-измерительных приборов.

Юра старше нас на десять лет, но возраст он свой не показывал, всегда много шутил, был весел, улыбался одними глазами, прищуривая их. Кто его не знал, навряд ли определит, что он шутит. Юра приехал издалека, как и я. Раньше он работал в конструкторском бюро автоматики в городе Чирчик Ташкентской области в Узбекистане.

Эдуард был местным – аборигеном. Он был очень похож на меня. Мы были одного возраста, одного роста, у нас были одинаковые причёски, на этом наше сходство, я думал, за-

канчивается. Однако на Вынгапуре нас постоянно почему-то путали. Сначала я на отклик «Эдуард...» отвечал «Сам ты Эдик!», а потом плюнул на это дело и делал вид, что я и есть Эдик.

Так сложилось, что зарплаты в НГДУ¹ были высокие, поэтому в Жирновск приезжало много людей с Дальнего Востока и с Средней Азии – из Казахстана, Узбекистана русское население возвращалось в Россию в связи с возросшим националистическим движением в республиках бывшего СССР, разжигаемым из-за океана. В городе строительство жилого фонда было остановлено, в связи с чем и стоимость квартир была заоблачной. Построить дом было намного дешевле, чем купить квартиру. Приезжие строили дома, а местное население, как правило, жило и ютилось в квартирах.

При встрече в автобусе мы, как всегда, начали разговор о прошедших выходных, пролетевших слишком быстро.

– Как отдохнули? – искренне улыбаясь, спросил я.

– Отдохнули? Издеваешься, что ли, над нами?! – улыбаясь одними прищуренными глазами, ответил Юра. – Сам ведь такой же. Успел хоть сделать то, что наметил?

– Да, баньку обшил, теперь она имеет другой вид. После вахты попаримся вместе?

– Давай сначала вахту отработаем, а на обратном пути бу-

¹ Нефтегазодобывающее управление (НГДУ) – предприятие или структурное подразделение, занимающееся добычей сырой нефти и газа, а также их подготовкой к транспортировке и перекачке до узла коммерческого учёта.

дем строить планы на будущее.

– Вы всё работаете и работаете, – вставил своё слово Эдик, – а я ездил с семьёй в Геленджик. Покупались в море, по горам походили – красота.

– А нам некогда по морям ездить. Летний сезон короткий, надо всё успеть, – возразил ему Юрий.

– Частный дом – это не роскошь, – констатировал факт я. – Строительство закончилось – и начался вечный ремонт.

Автобус тронулся, мы с Юриком продолжали обсуждать свои строительные дела, что сделали дома и что планируем сделать на следующей отдыхающей вахте. Так за разговорами дорога показалась короче. Наговорившись вдоволь, каждый переключился на свои гаджеты. Эдуард в наушниках слушал музыку, Юра включил аудиокнигу, а я полез за книгой в сумку, но не нашёл её. За окном мелькали брошенные поля с сухостоем и редкие лесопосадки вдоль дорог. Только сейчас я опомнился, что хотел взять на вахту, но в суете, в быстрых сборах забыл. Продукты в дорогу я прихватил. А для досуга, кроме ноутбука и жёсткого диска, ничего не взял, приготовленную книгу оставил на столе, и некогда было скачать новые фильмы, придётся повторно пересматривать то, что смотрел на прошлой вахте. На месторождении не было ни телевидения, ни интернета, ни мобильной, ни кабельной связи. Корпоративная спутниковая связь была дорогая, и общаться с родными и близкими можно было крайне редко, один-два раза в неделю всего по две минуты.

Стал смотреть в окно, созерцая пробегавшие мимо поля, посадки, хутора и деревни. Закрыв глаза и тоскуя, вспомнил, как накануне с Викой собирали яблоки в саду. Представил её золотистые волосы, добрую нежную улыбку и такой про-никновенный глубокий взгляд. Порою кажется, в её зелёных глазах скрыта вся вселенная. Сердце защемило, заныло где-то под лопаткой: «Всё-таки как мало мы бываем вместе, и с этим что-то нужно делать».

Через четыре часа сели в поезд. Я привычно набрал номер Вики – сообщить, что всё нормально, сели в вагон, скоро поедем. Мы быстро переоделись и, достав необходимые вещи из сумок и спрятав основной багаж на полки, наконец-то выдохнули: «Вот мы и дома». Странно звучит, но шесть с половиной дней в месяц или один месяц в год мы проводим в плацкартном купе. Перекусили тем, что до утра может пропасть, и легли спать. Под ритмичный стук колёс с нежным покачиванием вагона сон пришёл быстро.

Раннее утро. Первая продолжительная остановка на тридцать минут, и весь поезд опустел, пассажиры вышли на перрон. Кто хоть раз ездил в вахтовых поездах, тот с дрожью вспомнит этот момент, но для вахтовиков это часть их жизни, со своими приколами и порядками. Идя вдоль поезда по перрону, здороваешься почти с каждым вторым встречным: с этим попутчиком хоть раз, да и приходилось ехать в одном купе. В купе люди знакомятся и под стук колёс, бывало, что и под бутылочку тёплой водочки, общаясь, изливают похо-

жие, наболевшие истории из своей жизни.

Встретив своих друзей из компании «Новомет», уже расставались лишь затем, чтобы поспать. Совместно обсуждали проблемы на работе, проблемы с ремонтом оборудования и пути их решения. Раньше все мы работали на одном участке, где по-настоящему сдружились, а сейчас, доехав вместе до Вынгапуровского, разлетимся по разным месторождениям. И только через месяц вахты встретимся снова в поезде.

*Вагонные споры – последнее дело,
Когда уже нечего пить.
Но поезд идёт, бутыль опустела
И тянет поговорить...*

Мы разговаривали о работе, о том, как лучше и быстрее расклинить погружную установку, о том, как быстрее отремонтировать частотный привод в полевых условиях. А в соседнем купе шли житейские разговоры о жизни вахтовиков. Я сидел на боковушке нашего купе, поэтому был невольным слушателем излития душ.

– Моя жена, как только я выхожу из дома на вахту, тут же обзванивает своих подружек, договаривается о встрече. У неё начинается продолжительная гулянка с пьянками и танцами до утра. Приезжаю домой через месяц, а она не может остановиться, всё пьёт и пьёт. Пытался и кодировать, и лечить традиционными способами – никак не сдаётся зелёный змий, – тяжело вздохнув, добавил рассказчик. – Не знаю, что

делать.

– Я вот на неделю раньше приехал домой, – начал свой рассказ рыжий коллега. – Не стал говорить, что у меня перевахтовка², думал, приеду раньше с отпускными, приятный сюрприз будет. Как говорится, сюрприз удался. Захожу я в квартиру, а на кухне мужик в трусах полы моет. Выгнал обоих из дома, а на следующий день подал на развод.

– А у нас в бригаде, когда товарищ разводился, то с отдыхающей вахты не приехал. По протоколу вышел якобы несчастный случай – вывалился из окна, когда окно мыл. Ну это же надо – заставить Кольку в конце ноября окна мыть, ни за что не поверю. А вот кто в его смерти виноват, даже искать не надо – квартира досталась его жене, с которой он не успел развестись. Так что пока не развёлся, будь осторожней.

– У меня противоположная история – жена подала на развод. Надо же было ей поехать к своей школьной подруге, когда я был на вахте. Она думала тоже мне приятный сюрприз сделать, погостить у подруги до конца моей вахты и назад вместе поехать. Приехала рано утром поездом, подруга ей открыла дверь, они сели на кухне чай пить, свои бабские разговоры вести. Беседуют, значит, а тут я из спальни выхожу – на работу же собираться нужно. В дверях в халате так и приклеился к полу. Я ведь даже и не знал, что они подру-

² Это когда одна бригада, отработав вахту, уезжает, а другая бригада заступает на вахту. На вахте возможны пересменки, когда работают в две смены. На вахте режим работы по 12 часов, но в авральные работы приходится работать больше, т. к. смены тебе нет, а работу выполнить нужно.

ги. Выгнали меня обе. Пришлось по морозу с чемоданом, по колено в снегу, в общагу тащиться через весь посёлок. И с вахты возвращаться оказалось теперь некуда. Вот так: было две жены – одна в вахтовом посёлке, другая дома, а теперь ни одной, ни другой.

– А я как приеду домой, так и чувствую себя чужим, прям не могу, от жены воротит – все её манеры говорить, повадки, ну прям всё раздражает. Честно скажу, жду не дождусь, когда отдыхающая вахта закончится.

Важно за таким застольем не только излить свою боль, но и выслушать товарища. И тут каким-то чудом на столике купе появляется бутылочка тёплой водочки. Все за столом повеселели, каждый пытался залить свои проблемы, своё горе этим едким напитком. Уйдя вечером от накопившихся проблем, проснувшись утром с тяжёлым похмельем, понимаешь, что проблемы не рассосались, к ним добавились тошнота и головная боль. Когда я начинал ездить по вахтам, мне казалось, что похожая судьба меня не коснётся, что это происходит с какими-то другими людьми, но ни со мной, ни с моими товарищами такого произойти не может. О боже, как я заблуждался.

Слушая разговоры вахтовиков, я задумался о любимой. Закрыв глаза, представил её образ: распущенные светлые волосы развеваются на ветру, добрая, нежная улыбка и этот пронизывающий взгляд тёмно-зелёных глаз. Тоска охватила меня. «Как всё-таки мало мы бываем вместе. Наверно, нуж-

но нам взять путёвку для двоих и уехать от домашней суеты на море. Где не будет ни работы, ни хлопот, будем только я и Вика, море и белый песок, солнце и пальмы». Под стук колёс я задремал.

Несколько дней в пути за тихими разговорами и жаркими спорами дорога сокращалась. За окном вагона пейзаж менялся с засохших волгоградских степей с серовато-жёлтой травой на обильные луга с тёмно-зелёной травой и мелькающими зелёными лесами Средней полосы России. Чем дальше на север, тем печальней становилась картина. После Сургута за окном уже была хмурая, дождливая осень с пожелтевшими листьями на деревьях и понурой тундрой.

Вынгапуровская взлётно-посадочная площадка встретила нас с Эдуардом привычным пейзажем: песок, скудная растительность, отражающиеся в озере Тягамальто белые облака и погребальный камень на месте крушения вертолёта. Памятник жертвам катастрофы всегда навевал волнение и тревогу перед предстоящим полётом.

Я выгрузил вещи из машины и подошёл к нефтяникам, с кем предстояло провести месяц на вахте, поздоровался со всеми. Отметил про себя, что начальник промысла какой-то был мрачный сегодня. «Интересно, что у него случилось?» Из вежливости я не стал расспрашивать Вадима Петровича, захочет – сам всё расскажет. Вертолёт уже садился, подняв столб пыли, свистя турбинами и гремя редукторами винтов.

Быстрая посадка в вертолёт. Вещи сложили в централь-

ном проходе большим кулём, а пассажиры расселись на лавках сбоку, спиной к иллюминаторам. Взлёт, вертолёт оторвался от земли, но подняться выше трёх метров не смог. Вторая попытка – «опытного военного вертолётчика не проведёшь», отрыв от земли, наклон на сорок пять градусов вперёд, хвост вертолёта задрался вверх, машина стала набирать высоту и скорость. Поднявшись метров на пятьсот, вертолёт выровнялся. В нём разговаривать было неудобно, слишком шумно работали турбины и винты. Поэтому, когда лётчики стабилизировали полёт, коллеги показали друг другу большой палец и натянутые улыбки: «Вроде всё хорошо – летим».

На Холмистом вертолёт приземлился в три часа дня, после двух часов полёта над тайгой, покрытой узорами болот, озёр и многочисленных переплетающихся речек. При выходе из вертолёта я встретил сменщика.

– Димон, привет, – протягивая свободную руку, поприветствовал я его. – Как отработал вахту?

– Лучше не спрашивай, полная о-па, сам увидишь, – хмуро ответил коллега. – Ладно, пока.

Проводив вертолёт, погрузили все вещи в подъехавший автобус-вахтовку на базе «Урала». Подошёл хмурый начальник промысла. Мне показалось, что после разговора со сменщиком у вертолёта у Петровича брови опустились ещё ниже, а лицо потемнело.

– Сейчас ни одна скважина из пятидесяти не работает. Ес-

ли мы за эту вахту не запустим хотя бы тридцать процентов, то всё месторождение закроют из-за нерентабельности. Володя, возьмишь дневную смену операторов, – обратился Вадим Петрович к мастеру добычи, затем повернулся ко мне. – А ты, Аркаша, возьми «шлюмбика» и сам переоденься, через тридцать минут выезжаем. Будем принимать вахту комиссией.

– Хорошо, Вадим Петрович, всё сделаем, – за всех ответил мастер.

– Ты меня не понял, Володя, – я с вами поеду. На месте определимся, что работает, а что нет. Ночью нужно будет направить подписанный Акт осмотра. Теперь понятно?

– Да, всё понятно. – Коллеги переглянулись – какие-то странные новшества, но возражать никто не посмел.

Я затащил чемодан в свой вагончик, бросил на кровать сумку с ноутбуком и метнулся к вагончику «Шлюмберже»³.

– Сергей, привет, – не дожидаясь ответа, выпалил я на пороге вагончика. – Собирайся, сейчас с начальником промысла по кустам поедем принимать оборудование.

– Аркадий, привет. А... – Сергей не успел спросить, как дверь вагончика уже закрылась. – Вот и поговорили.

Через двадцать минут ждали у вахтовки, одетые в рабочую форму: в чёрно-синих робах, в белых касках и в про-

³ Schlumberger – крупнейшая нефтесервисная компания, ведущий мировой поставщик технологий для комплексной оценки пласта, строительства скважин, управления добычей и переработки углеводородов.

резиненных сапогах. Комиссия – начальник месторождения, мастера по добыче, два оператора, электроник «Новомет» и электромеханик «Шлюмберже» – садились в машину. Начальник с мастером сели в кабину, остальные в кубрик, вахтовка завелась и тихо тронулась, покачиваясь на неровностях дороги.

– Сергей, давай рассказывай, что здесь происходит? – спросил я у «шлюмбика».

– Аркадий, я подробностей не знаю, раньше вас прилетел всего на два часа. Но от операторов слышал, что почти весь промысел стоит, а что случилось, пока не выяснил.

– Пипец, как это вообще возможно? Мы же месяц назад уезжали – всё работало.

Дальше ехали молча. За окном мелькали деревья, под деревьями среди светлого ягеля были видны шляпки подосиновиков. На Ямале наступила осень, самое приятное время года. Это короткое время, когда сибирская тайга обильно кормит своих обитателей. Созревают кедровые орехи, все виды грибов, ягоды – морошка, брусника, ежевика, голубика, клюква. Главное, успеть собрать до начала холодов всё это богатство. Причём это касается не только людей, но и многочисленных животных, обитающих в тайге. Медведь в эту пору наиболее опасен, ведь ему предстоит накопить жир для продолжительной спячки на всю зиму. Но радоваться красоте природы было некогда.

Я повернулся к операторам.

– Может, вы поясните, что случилось?

– Из оперативного журнала успел прочитать только про первые сутки аварии, – стал пояснять старший оператор. – Неделю назад на ДНС⁴ прозевали уровень нефти в сепараторе, и нефть стала поступать в топливный газ на электростанцию. Турбины с броском напряжения захлебнулись и остановились. Пропало напряжение, через минуту энергетики запустили дизельные генераторы. Но мощности на все кусты не хватало, так как одна дизельная установка находится на капитальном ремонте⁵. Быстро её собрать невозможно. Электроэнергию подали только на первый и пятый куст. Не все частотные приводы включились, но даже на включённых скважинах давление стало снижаться. И дебит нефти стал падать на всём месторождении. По сводке, через два дня работает только половина фонда. Какая сейчас обстановка, не знаю, не успел дочитать.

– Понятно, дело швах, – выразился оператор, сидевший рядом. – А если Петрович говорит, что весь механизированный фонд стоит, значит, остальные скважины тоже сдохли.

– На первый куст приехали! – сказал я, готовя чемоданчик с инструментом. Непроизвольно, от злости, которая кипела внутри меня, я сжал ручки так, что костяшки пальцев

⁴ Дожимная Насосная Станция (ДНС) – технологическая часть системы сбора нефти и газа на промыслах и их последующей транспортировки.

⁵ Капитальный ремонт дизельного генератора длится 1–2 месяца, если есть все запчасти.

побелели.

Я первым выскочил из кунга и молча направился к ростверку, на котором стояли станции управления погружными насосами. Вадим Петрович что-то хотел вдогонку крикнуть мне, но передумал и, махнув рукой вслед удаляющейся фигуре, повернулся к стоявшему Сергею.

– Проверьте там всё, может, получится что-то запустить. – И, обращаясь уже к операторам, прикрикнул на них: – Что встали? Пошли в обход по скважинам.

Начальник промысла быстрыми уверенными шагами направился к первой скважине, за ним засеменили два оператора. Мастер Володя тоже кинулся за начальником, но Вадим Петрович гневно развернулся и, выплёскивая накопившуюся злость, крикнул:

– А ты что за нами увязался, думаешь, мы не справимся? Иди фиксируй показания приборов с подрядчиками.

Если бы Петрович крикнул на Володю при работающем оборудовании, то этого бы не было слышно даже с десяти шагов. А сейчас, когда на кусте ни одна скважина не работала, окрик начальника эхом прокатился по верхушкам сосен и растаял где-то в болоте. Володя развернулся и, опустив голову, поплёлся к ростверку. Он подошёл сначала к Сергею, тот стоял ближе к выходу.

– Пока никак, – ответил Сергей, записывая настройки защит станции. – Первый пуск не прошёл по превышению тока на частоте двадцать три герца. Второй пуск сделаю по регла-

менту через десять минут.

– Понятно, – хмурясь, сказал Володя и направился ко мне.

А у меня работа кипела. Я сначала проверил все уставки⁶, записал их в блокнот и стал вносить корректировки в настройки станции. Выставив номинальное напряжение на частоту в тридцать герц, я запустил станцию с плавным разгоном до этой частоты. На таких параметрах крутящий момент был на максимуме при сниженной частоте. Станция привычно запищала – приборы показывали максимально допустимый ток. Сергей в этот момент носился по кусту взад-вперёд, наверное, искал точку «G». У него шлюмбержовский телефон спутниковой связи, по которому он постоянно связывался и спрашивал у руководства, что делать дальше, в общем, никакой инициативы. Но сигнал был нестабильный, поэтому нужно было найти лучшее место для связи.

– Ну вот, насос работает, но пока токи высокие, – улыбнувшись, сказал я подошедшему Володе, – ещё понаблюдаю, может быть, насос раскрутится, и ток снизится.

– Ну, дай бог, чтобы хоть эта ожила, – уже ни на что не надеясь, ответил Володя. – Я сейчас ничего записывать не буду, подождём результата.

– Пусть пока работает, пойду следующую станцию проверю. – Увидав Сергея, бегающего по кусту и держащего в вы-

⁶ Установленные параметры станции управления частотным приводом. Проверятся и настраиваются для оптимальной работы погружного электродвигателя (ПЭД) с центробежным насосом.

тянутой руке телефон спутниковой связи, я иронично подметил: – Смотри, Володя, не зря говорят: «шлюмбика» ноги кормят.

Я подошёл к соседней станции и также начал с просмотра уставок. Делая небольшие расчёты, установил такие же параметры, как на предыдущей. Пуск. Частота поднимается, но ток непропорционально выше. «Давай! Давай!» – прошептал я. Секунда, две – станция остановилась по аварии «Высокие токи IGBT модуля»⁷.

– Досадно, но ладно, – потеряв лоб и поправив каску, сказал я. Погладив станцию и понизив голос, тихо произнёс: – Я к тебе ещё вернусь.

– Что-то не так? – спросил Володя.

– Похоже на то, что насос клинит, он даже не разворачивается.

– Значит, эту станцию выводим в капитальный ремонт, с заменой ЭЦНа⁸.

– Да, пока отмечаем на замену погружного оборудования.

Я подошёл к станции, которая была в работе. Ток снизился до нормы. Похвалив станцию, незаметно для Володи погладив её, я вернул первоначальные настройки, снизив напряжение до номинального, настроил программу с плавным

⁷ Аварийный сигнал об аварии по превышению тока на преобразователе частоты.

⁸ Электроприводной центробежный насос – аппарат механизированной добычи нефти, погружной насос центробежного типа.

набором частоты с тридцати до сорока девяти герц в течение одного часа.

– Володя, отмечай: эта скважина восстановлена, через полтора часа нефть будет на поверхности.

Мастер сделал записи у себя в блокноте. А я уже настраивал третью скважину. Поколдовав над ней две минуты, нажал кнопку «Пуск». Знакомое щебетание частотного привода продлилось чуть больше, чем на второй станции, но она тоже остановилась по превышению тока.

– Что, эту тоже в ремонт? – с грустью в голосе спросил Володя.

– Нет, с этой станцией придётся повозиться. У неё нет жёсткого клина. Я попробую её запустить чуть позже, пусть пока двигатель остынет.

– Хорошо, пойдём к следующей, нам нужно успеть все станции проверить.

Мы подошли к следующей станции, на ней я провёл те же операции. Погладив станцию, пошептал ей добрые слова и нажал кнопку «Пуск». Запуск был успешным, так же через десять минут, не отключая станцию, выставил номинальный режим. Через час работы можно было резюмировать, что из двенадцати скважин мне удалось запустить пять. Четыре скважины прокрутились, но остановились по перегрузу, их я обещал запустить в течение следующего дня. А три скважины выводим точно в ремонт, над ними можно ещё поработать после тех, которые прокручиваются. Обо всех опе-

рациях доложил Вадиму Петровичу.

– Молодец, Аркаша, порадовал старика. – Под усами Вадима Петровича проскользнула улыбка, в глазах промелькнул блеск. – А у Сергея что? Есть положительные результаты?

– Нет, станции молчат, как рыбка в пирожке, – ответил за Сергея Володя.

– Эх, Серёжа-Серёжа. Учись у Аркаши. У тебя на этом кусте всего пять скважин, и все в ремонт передаём?

– Сергей здесь ни при чём, – заступился я за конкурента. – В буржуйных частотных приводах нет регулировок параметров, кроме плавного набора частоты, и режимов только два: аверс и реверс. А с увеличением или уменьшением частоты ток и напряжение меняются по строго линейной зависимости.

Конечно, я не сказал, что и инициатива в «Шлюмберже» наказуема, поэтому каждое своё действие Сергей согласовывал с руководством в Ноябрьске и ждал, что ему предложат сделать в следующей попытке. Но это и так было видно, зачем об этом говорить?

– Ладно, Аркаша, ты нам лекции не читай, нам результат важен. Ты лучше скажи, как ты сможешь запустить те скважины, за которые поручился?

– У меня много секретов в шкафу. На нашей станции «Электрон-05» есть разные режимы: «режим встряхивания», «режим толчковый, или с раскачкой», «режим с синхрони-

зацией». Понижу частоты, поиграю с напряжением, поменяю вращение двигателя вперёд/назад. В общем, гарантирую, что я их восстановлю. Даю слово, что не буду бриться, пока все названные скважины не запущу.

– Ты забыл сказать про свои «шаманские штучки», – съязвил Володя.

– Да пусть кому хочет, тому и поклоняется, хоть к электрическим богам обращается, главное, он знает своё дело и делает это хорошо. А ты, Аркаша, смотри: давать такие обещания – так и бородатым можно остаться. Но, коль ты так уверен в себе – вперёд, дерзай! – И, уже обращаясь ко всем присутствующим, бодрым голосом скомандовал: – Собирайтесь, поедem на следующий куст.

На третьем кусте ко мне подошёл Сергей.

– Аркаша, у меня непонятная ситуация, – прошептал он, чтобы его не услышал Володя. – Станция запустилась с третьей попытки, но ток какой-то маленький.

– Какой должен быть ток? И какой у тебя сейчас? – так же шёпотом спросил я.

– Должно быть пятьдесят пять ампер, а по факту двадцать.

– Поздравляю! У тебя на погружной установке сломался вал, или у муфты шлицы слизало. Останавливай свой частотник, у скважины дебита всё равно не будет.

– Но как же так, ток ведь не ноль?

– Всё очень просто: у тебя насос состоит из двух или трёх секций, вот где-то посередине вал и сломался. Запиши пока-

зания и отметить, что при попытке вывести насос из состояния клина произошёл слом вала.

– Блин, за это могут премии лишить, – грустно ответил Сергей.

– Смотри сам. Я бы на твоём месте написал в акте всю правду. Если сообщишь просто, что на насосе клин, потом при демонтаже выяснится поломка вала. И тогда наказание будет строже, а к тебе доверия будет меньше.

– Спасибо за совет, – угрюмо ответил Сергей, отходя к своей станции.

После окончания работ подвели итог, и картина повторилась. Мне удалось запустить шесть остановленных скважин, за четыре скважины поручился, и две скважины предварительно вывели в ремонт. У Сергея из пяти скважин четыре были заклиненные и у одной сломался вал.

– Ну молодца! – уже вовсю смеясь, хвалил меня Петрович. – Может, тебе орден походатайствовать?

– Рад стараться! – ответил с улыбкой я, хотел добавить «ваше высокоблагородие», но не решился. – А орден мне не нужен, замолвите доброе слово моему руководству, и на том спасибо.

На заключительном, пятом кусте мне из пяти своих скважин в работу удалось запустить сразу три, одна давала признаки жизни, на последней был жёсткий клин. У Сергея ни одна из десяти скважин не запустилась.

В вахтовый посёлок вернулись к десяти часам вечера, хо-

рошо, ещё стояли белые ночи, было светло. Солнце только спряталось за горизонт, а небо подсвечивало лазурным светом, словно ночник у кровати. Начальник промысла отпустил операторов и Сергея, а меня с Володей пригласил к себе в вагончик-офис, или, как все его называли, «штаб».

Володя, как зашли, наполнил чайник, включил его, а сам сел за компьютер.

– Начинаем оформлять Акт осмотра? Или Акт приёмки смены? Вадим Петрович, как будем оформлять?

– Давай по стандартной форме оформим – Акт осмотра, – уточнил Вадим Петрович. – Пока Володя ищет форму документа, у меня к тебе вопрос, Аркадий. Как твоё мнение, что произошло такого аномального, что все скважины остановились?

– Месторождение у нас не совсем стабильное, – начал излагать свою версию я. – В жидкости много газа и большое количество КВЧ⁹. И то и другое для центробежных насосов губительно. Когда насос стабильно работает без остановок и смены режимов, то вроде бы всё хорошо, но стоит остановить двигатель, как мелкие частицы начинают опускаться, прессуются в верхних частях центробежного насоса и клинят его.

– Я готов, – глядя в монитор, сказал Володя. – Итак, общий фонд скважин месторождения Холмистое составляет пятьдесят штук. Из них с оборудованием «Новомет»

⁹ КВЧ – число взвешенных твёрдых частиц в жидкости, измеряется в мг/л.

двадцать девять скважин; сегодня запущено четырнадцать штук.

– Может, запишем: «Аркадий героически запустил четырнадцать насосов?» – пошутил Вадим Петрович, наливая всем чай.

– Думаю, нас не так поймут в конторе. Ладно, продолжаем. Так, девять штук прокручиваются, но токи слишком высокие, срабатывает защита частотного привода. И шесть штук с жёстким клином выведены на капитальный ремонт. По «Шлюмберже» – двадцать одна скважина на обслуживании, из них одна со сломанным валом и двадцать с жёстким клином выведены в ремонт под замену погружного оборудования.

– Да, всё верно, – подтвердил Петрович. – Давай, Володя, распечатывай. В подписанты не забудь Сергея вписать, сходишь к нему сейчас – подпишешь, отсканируешь и отправишь в офис. А ты, Аркаша, допивай чай, бери ещё пряники, а то сегодня без ужина остались. Зато такое великое дело сделали! Завтра, крайний срок послезавтра вот эти оставшиеся девять скважин нужно кровь из носу запустить, либо если не получится, то выведем их тоже в ремонт. Иначе мы план не выполним. Понимаешь?

– Да, Вадим Петрович, понимаю. – Я отпил глоток горячего чая и поставил кружку на стол. Расписался в напечатанном Володей акте. А ручку машинально прицепил на внешний карман куртки. Вадим Петрович увидел это, улыбнулся,

но промолчал. – Я тогда пойду, а то завтра рано вставать.

– Да, конечно, иди, Аркаша, отдыхай. Ещё раз спасибо тебе за твою работу.

Крепкими рукопожатиями я попрощался с коллегами и пошёл к себе в вагончик. Такой авральной вахты у меня ещё никогда не было. Не было и таких трудовых будней – попить чай за весь день удалось только в штабе.

В вагончике непривычная темнота встретила меня – коллеги уже отдыхали, их комната была закрыта. Потихоньку включил чайник, всё же одним пряником за весь день наесться нельзя. Пока чайник грелся, пошёл раскладывать вещи в своём отделении, очень похожем на купе в поезде – двумя нижними и двумя верхними полками, со столиком между ними у окна. Под одним нижним лежаком было отделение для моих вещей, под другим – место сменщика. Чистую гражданскую одежду аккуратно сложил в чемодан и убрал его, он понадобится, только когда поеду домой. То, что нужно на вахте, робу и нательное бельё, повесил и разложил в шкафчике, ноутбук поставил на стол, тихо включил лёгкую мелодию, чтобы избавиться от гнетущей тишины. Продукты в пакете отнёс в шкафчик между отсеками, где была так называемая столовая с общим большим столом. Ещё тут был небольшой умывальник с навесным бачком для воды и ведром под раковиной. Такой простой, но достаточно приемлемый быт, вполне сносный для проживания. Здесь были мягкие лежаки, окно с москитной сеткой и шторкой «блэкаут».

Входная дверь герметично закрывалась и была с небольшим тамбуром. Зимой в вагончике уютно и тепло.

А вот первый год, когда строительство на месторождении шло вовсю, мест не хватало, жить в переполненных вагончиках было неуютно, были заняты все спальные места. В то время сменщик выбрал старый вагон, в который никто поселяться не хотел. У него дверь герметично не закрывалась, тамбур отсутствовал, поэтому зимой в столовой лежал небольшой сугроб снега, который каждое утро я выметал на улицу. А летом налетали полчища комаров. Таблетки в розетках помогали слабо, намного эффективней, если поджечь таблетку, затушить, чтобы она обильно дымила, и пройтись по всему вагончику, обкуривая его. При этом комары прямо на лету падали замертво. Утром приходилось выметать целую кучудохлых комаров, стол и пол сменили цвет на серый из-за комариных трупиков. Лежаки неудобные, жёсткие – деревянные. Слежавшиеся матрасы не отличались мягкостью. И, конечно, холод зимой в промороженном вагончике стоял невыносимый. Изоляция в стенах, скорей всего, осыпалась, и от стен шла прохлада не меньше, чем от незакрывающейся двери. Ставили дополнительный обогреватель между лежаками, но спали всё равно одетыми и под двумя шерстяными одеялами. Зато воздух всегда был свежий, и проветривать нет необходимости. Ещё одно шикарное преимущество – вагончик принадлежал только нам, соседей никого, никто не храпит и не мешает...

Поел кашу с мясом, запил всё крепким чаем, умылся, разделся и сразу лёг спать – завтра предстояла долгая, напряжённая работа. Усталость накрыла, как тёплое одеяло, обволокла и растворила в пространстве. Сначала снился дом с цветущим садом, нежные бело-розовые цветки яблонь и абрикоса окружили дом праздничным белым нарядом. Виктория готовила блины на кухне, а Настя наливала золотисто-янтарный мёд в вазочку, затем всё растворилось в тумане...

Солнце в шесть утра светит уже высоко над горизонтом. Быстрый перекус, кофе с кашей. Живо надел антимоскитную куртку, обильно намазал лицо, руки, шею мазью от комаров. Вчера в спешке забыл намазаться, так за два часа, пока комары были активны, они успели накусать так, что всё тело теперь чешется. Взял ящик с инструментом и вышел на стоянку к вахтовке. Ящик поставил у машины, а сам пошёл в штаб к начальнику промысла узнать обстановку.

– Доброе утро, Вадим Петрович, – заходя в вагончик штаб, поздоровался я, протягивая руку. Достал ручку из кармана. – Вадим Петрович, я вчера по запарке вашу ручку прихватил, как говорится: «Ещё один день на работе – ещё одна ручка».

– Оставь себе, у меня целый ящик этих ручек.

– Вот спасибо, а то от нашей конторы канцтоваров не дождёшься. – Пряча ручку обратно в карман, я поинтересовался: – Есть новости?

– Да, Аркадий, молодец, что зашёл, – почесав бороду, добавил: – Новости есть. Скорей всего, завтра прибудет бригада подземного ремонта скважин – это первая новость. И вторая новость – будем менять оборудование «Шлюмберже» на ваше новометовское. Руководство просто в шоке от вчерашних результатов.

– Вот это повезло... Нарботал я на свою голову, сейчас всю вахту придётся впахивать за троих: за электромонтажника при обвязке станций управления и наземного оборудования, за монтажника погружного оборудования при демонтаже и монтаже ЭЦН и за себя – электронщика по настройке и наладке станций частотного привода.

– Работа нас кормит, так что грех жаловаться.

– Я не жалуюсь, но предупреждаю, я не железный. Мне придётся безвылазно работать на кустах и днём и ночью, а вот к своим кураторам и диспетчерам на связь я выходить не смогу. Тут нужно что-то одно – либо работать, либо сидеть на телефоне и болтать без перекура – о звёздных кораблях.

– За это не беспокойся, я с ними сам буду разговаривать и принимать от них заявки, твои акты монтажа и о проделанной работе буду сканировать и отправлять сам. Так что не переживай. Сейчас подойдёт Володя, езжай с ними на первый куст и, как мы вчера договаривались, запусти погружные насосы, которые сможешь восстановить.

– Хорошо, я уже готов, инструмент у машины.

– А после обеда на третий куст поедете. К вечеру, я думаю,

уже будет готова заявка на замену оборудования. Постарайся раскрутить ещё те насосы, которые сейчас в жёстком клине.

– Принято, постараюсь. Буду использовать все методы, которыми владею.

– Не боишься, что у тебя, как у Сергея вчера, будет слом вала?

– Нет, не боюсь. Большой опыт, интуиция и моё чутьё меня ещё никогда не подводили. Смысла нет поднимать установку, у которой можно было восстановить работоспособность. А сломанную установку так и так нужно будет менять.

– Ну, дай бог, – широко улыбнувшись на мой честный ответ, отреагировал Вадим Петрович. – В обед можешь не приходить, лучше отдохнёшь часик. А вечером подойдёшь ко мне, обсудим обстановку.

– Добро, – ответил я и вышел из штаба.

Через час на первом кусту я уже колдовал с частотниками. Со второй попытки я реанимировал «режимом встряхивания» два ЭЦНа, «режимом раскачивания» запустил ещё один насос. Раскачал с восстановлением установку, которая вчера была в жёстком клине, воспользовавшись «режимом с синхронизацией». Не забыл я поблагодарить те станции управления, которые остались в работе. Прочие три насоса сопротивлялись. Один прокручивается, но не запускается, и две установки пока не дают признаков жизни. После превышения токов следовало по регламенту выждать как минимум тридцать минут, но я применял жёсткий запуск, после

такого режима нужно было подождать около часа.

– Ну что, покурим? – начал я разговор, видя, как Володя томится, но, решив мне не мешать, не начинает беседу. На самом деле я никогда не курил, это был риторический вопрос – предложение отдохнуть.

– Смотрю я на тебя и, как говорится, бесконечно долго можно смотреть на три вещи: на то, как горит огонь, на то, как течёт река, и на то, как кто-то работает. Сергей просто нажимает кнопку «Пуск» и ждёт результат. Если результата нет, то повторяет процедуру без всяких дополнительных мероприятий. А у тебя столько методик и колдовства! Где ты всему этому научился?

– Володя, пойми, любую работу нужно делать с душой и на сто процентов понимать, что ты делаешь и какой ты ожидаешь результат. На станциях Сергея тоже есть разные методики, но они рискованные и все они запрещены регламентами. Сергей применил одну из методик и получил результат – сломанный вал. Это в любой фирме наказуемо, даже в моей, дальше он инициативу применять никогда не будет. Это же понятно.

– А ты, Аркаша, не боишься?

– Володя, если бы я боялся, то у меня был бы аналогичный результат, такой же, как у Сергея. Я закалён в других условиях – готов самостоятельно принимать решение, проявлять инициативу, оправданно идти на риски и готов за все свои действия отвечать. У меня два высших технических об-

разования. Я инженер-электрик и инженер-механик. Причём кроме высшего образования приобрёл огромную практику как слесарем-инструментальщиком, так и электромонтёром. Прошёл путь от электромонтёра до начальника электротехнической лаборатории.

– Не понял: ты был начальником, а сейчас электрик? – не скрывая удивления, выпучил глаза Владимир, пытаясь понять, вру я ему или нет.

– Да, практически так и есть, только я сейчас не электрик, а электронщик – как бы инженер. Дочь заканчивала одиннадцатый класс. Нужно было думать, как ей дать хорошее образование. Поэтому первая вахта моя на Крайний Север была с двенадцатого июня. Я пропустил самый трогательный день для дочери, её выпускной в школе, вечер, где она была принцессой бала. Зарплата у меня была семнадцать тысяч рублей, а дочери на проживание и обучение в университете, просто для того чтобы жить, нужно было пятнадцать тысяч в месяц. А на что жить нам? На что достраивать дом? Получишь такую зарплату, засунешь карточку в банкомат, а он издаст непонятные звуки. Стоишь и думаешь: «Это он надо мной ржёт?» или «Это он сломался, пересчитывая мелочь?» Вот и пришлось уходить с работы, на которой проработал более десяти лет, и ехать в неизвестность на Крайний Север, хотя и по знакомству. На новом месте электриком я стал получать двадцать семь тысяч рублей, а сейчас у меня зарплата тридцать пять тысяч, то есть больше, чем на прежней работе,

в два раза. Хотя пришлось сменить работу на Севере, всё-таки вариантов было больше, чем на большой земле.

– Согласен с тобой, всё зависит от зарплаты, – поддержал меня мастер по добыче, но сам не сказал, сколько получает, эта цифра значительно больше, чем у меня сейчас.

– Вот вы с Вадим Петровичем меня хвалите, а я от своих начальников доброго слова не услышу. Я прошлую вахту пахал как слон. Приехали, а тут вообще швах. А ведь мой сменщик, который ушатал все насосы, получит такую же зарплату, как и я. Или, к примеру, Сергей со «Шлюмберже», у которого сейчас оборудование снимается, а моё ставится, он вообще получит больше меня – от сорока двух до сорока пяти тысяч. Где здесь справедливость?

От злости я махнул рукой и пошёл к станции. То ли станция испугалась резко испортившегося моего настроения и решила не попадать под тяжёлую руку, то ли звёзды смиловались надо мной. Станция поработала десять минут на высоких токах, затем токи стали постепенно снижаться до номинала. Я ещё немного понаблюдал, проверил выставленные параметры, молча собрал инструмент и пошёл в вахтовку, там хоть комары не жужжали. Программа-максимум была выполнена: на первом кусту десять насосов из двенадцати работали в штатном режиме. Через полчаса операторы закончили свою работу и все вместе выехали на базу пообедать.

После обеда получилось не так продуктивно, как в первой

половине дня. На третьем кусту из четырёх прокручиваемых насосов запустились всего три. Доехали до базы уже ночью. Прощаясь с Володей, я зло пошутил: «Не можешь стоять, когда другие работают? Иди полежи!». Сам не знаю, почему я так себя накрутил. Володя покосился на меня, как Ленин на мировую буржуазию, но ничего не ответил, видать, и у него сил не было огрызаться.

Я, как и обещал, после ужина – перекуса у себя в вагончике, так как на ужин снова опоздали, пошёл в штаб. Вадим Петрович не стал задерживать меня, за кружкой чая обсудили дальнейшие действия. Затем он вкратце пояснил планы по КРС¹⁰. И решили до приезда бригады КРС и пока не выдали заявки на подготовку оборудования к спуску в скважины добывать и потихоньку запускать то, что запустится. Не забыл укорить диспетчеров и начальников участка «Новомета»:

– Как ты и говорил, они постоянно в течение дня названивали и требовали, чтобы ты с ними связался. Пока я лично не позвонил вашему главному инженеру. Он вроде всё понял, и после трёх часов перестали звонить.

– Это ещё мне аукнется. Они звонят все по очереди и друг у друга спрашивают обстановку. Однажды дело было зимой на Вынгапуре. Обвязываю станцию, там всё строго по графику. Мобильный телефон спрятал во внутренний карман, чтобы он от мороза не разрядился. Работаю, руки испачканы,

¹⁰ КРС – капитальный ремонт скважин с заменой ЭЦН.

приходится каждый раз вытирать, прежде чем достать телефон. В общем, надоели мне все эти переговоры, и я перестал брать трубку. Кручу гайки, а музыка звучит, а музыка играет без перерыва. Закончил работу, запустил станцию и достал телефон, проверил, кто звонил, и ответил на первый же звонок. Так на меня начальник цеха с наездом: «Ты что делаешь?» А я в ответ так спокойно отвечаю: «Ничего». – «Как ничего? Через десять минут запуск». – Чувствовалось, как волосы зашевелились у собеседника на голове, ну, наверно, не только на голове. А я в пояснение перечислил всех, кто мне звонил, и подвёл итог: «Вот со всеми разговариваю, а третьей руки у меня нет, и поэтому работа стоит». С тех пор мне так уже не называют. Может быть, из-за этого меня на Холмистое сослали?

– Ты не тушуйся, мы тебя в обиду не дадим. Пока я здесь начальник, тебя никто не тронет. Это я гарантирую. Ну ладно, Аркаша, иди отдыхай, а мне ещё поработать нужно.

На следующий день мы в том же составе, с мастером и оператором добычи, отправились на пятый куст. Там оставалось всего две скважины запустить, за два часа мне удалось эту работу сделать, и я попросил Володю отвезти меня на третий куст, чтобы время зря не терять. А там мне поддалась ещё одна скважина. Остались в жёстком клине всего четыре насоса. Два ЭЦНа на первом и два на втором кусту.

– Будешь бриться? – спросил меня, улыбаясь, Володя. – Ведь ты своё обещание выполнил.

– Нет, – твёрдо ответил я. – Пока всю работу не закончу, или пока КРС не уедет.

– Ну, это значит, до конца вахты будешь бородой обрабатывать.

В два часа дня прилетел вертолёт с бригадой капитального ремонта скважин. Пришли планы по замене наземного оборудования: нужно было поменять станции управления с повышающими трансформаторами на ростверках, а затем при подъёме погружного оборудования произвести замену насосов и асинхронных двигателей. Все эти работы на большой земле выполнялись разными бригадами, а здесь, на Холмистом, всё приходилось делать мне одному. Демонтаж оборудования «Шлюмберже» ложился на плечи Сергея, а монтаж нового новометовского оборудования – на мои. Никаких простоев бригады КРС не допускалось.

* * *

Бригада КРС выставила подъёмную установку А-50У¹¹. Подняли вышку, выставили её строго вертикально над устьем скважины, закрепили растяжками из тросов. Разобрали фонтанную арматуру под названием «ёлка»¹². Присту-

¹¹ Установка подъёмная для освоения и ремонта скважин глубиной до 3500 метров, грузоподъёмностью 50–60 тонн, агрегат смонтирован на шасси автомобиля КраЗ-257. Высота телескопической мачты 22,4 м.

¹² Комплекс механизмов и устройств, устанавливаемых на устье скважины. Ос-

пили к подъёму ЭЦН с разборкой НКТ. А уже через сутки производился демонтаж негодной и монтаж новой погружной установки. Как правило, демонтаж и монтаж производились ночью, а днём мы с Сергеем перевозили наземное оборудование, подключали и расключали его. На ремонт одной скважины выделялось всего трое суток.

Ещё одна особенность, применяемая на неустойчивых скважинах, – это глушение скважины. По регламенту положено скважину заглушить соляным тяжёлым раствором, чтобы из неё не вытекала нефть и не выходил газ. Но эти мероприятия не проводились, глушили максимум водой, то есть не тяжёлым раствором. И поэтому скважины «дышали», выделяя газ с углеводородами, а периодически, когда практически из скважины все трубы были вынуты, открытая скважина начинала фонтанировать, иногда недолго, пять-десять минут, а иногда и несколько часов.

Цвет нефти южнее Ноябрьска имеет характерный чёрный цвет, а в Ноябрьске и выше более светлая, рыжеватая нефть. Вот и на Холмистом месторождении нефть рыжего цвета разных оттенков, всё зависит от того, сколько процентов нефти, а сколько процентов воды в данной скважине. Был такой случай, когда я производил замену погружного оборудования. Все трубы НКТ подняли. У меня началась работа

новые функции фонтанной арматуры: герметизация скважины; управление потоком жидкости из скважины; проведение технологических мероприятий; подвес насосно-компрессорных труб (НКТ).

по демонтажу ЭЦН, доставали из скважины, и я разбирал её по секциям. Оставалось поднять последнюю деталь – компенсатор, как вдруг в обсадной колонне заклокотало. Бригада вместе со мной успела отбежать от подъёмной вышки. Словно плевок, из скважины ударила струя в верхнюю лебёдку, разбрызгав жидкость во все стороны. Через несколько секунд медленно и непрерывно из скважины начал подниматься фонтан рыжей нефти. Постояв двадцать минут, совместно с бригадой решили уйти в тёплый вагончик попить чай, подождать, пока скважина успокоится. От мороза минус тридцать пять градусов снег под ногами скрипел, как потёртое седло. Из окна вагончика, который стоял за обваловой,¹³ было хорошо видно, как из скважины бьёт фонтан выше вышки, ударяя струями о протектор, который не успели снять. Он висел на самом верху, раскачиваясь от ударов струй, разбрызгивая во все стороны жидкость, бьющую из скважины. Прошёл час, два, а скважина не унималась. Только утром фонтан прекратился. Я вышел на улицу и обалдел. Вся вышка, натянутые тросы и всё оборудование, лежащее на стеллажах, были покрыты ледяной коркой от трёх до пяти сантиметров, причём цвет льда был золотой. Установка А-50У была словно из чистого золота. Такая картина и во сне не приснится, а наяву удалось повидать.

¹³ Обвалование – система заградительных сооружений (защитных дамб, земляных валов), которые создаются из местного грунта в целях предотвращения растекания жидкости за пределы участка куста при разгерметизации скважины, либо иного технологического кустового оборудования.

Начали замену погружного оборудования «Шлюмберже» на «Новомет» с самых «жирных» скважин¹⁴. Днём меняли погружное оборудование, я предварительно настраивал станции частотного привода. А ночью производили демонтаж старого и монтаж нового подземного оборудования. За сутки приходилось спать всего по три-четыре часа. После ремонта третьей скважины бригаду КРС поставили на третий куст для замены насоса на водяной скважине. На участке у «Новомета» не было мощных насосов более пятисот кВт, в связи с чем водяные скважины остались на обслуживании у «Шлюмберже». Наконец-то у меня выпало время передышки, я полдня отсыпался, а с обеда поехал пробовать реанимировать оставшиеся четыре скважины. Только на вторые сутки после всех возможных мероприятий одну скважину мне удалось перевести из ремонта в работу. Оставшиеся три никак не поддавались.

После отличного результата я решил побриться – борода уже доставляла неудобства, она чесалась, и по ней можно было определить, что я ел на этой неделе. Немного поразмыслив, я из процесса сбривания бороды сделал целую фотосессию. Безопасной бритвой с тремя лезвиями подбривал бороду частями перед зеркалом. Одной формы справа, а другой конфигурации – с левой стороны лица. Каждый образ фотографировал на телефон. В завершение искусного бритья за-

¹⁴ Жирными скважинами считаются, у которых процентное содержание нефти в добываемой жидкости составляет более 5 %, а оставшиеся 95 % – вода.

печатлел усы разных длин и форм. В финале я был начисто выбрит.

Время было удачное, и я наконец смог позвонить домой. Вика была рада услышать любимый голос, она рассказывала о том, что произошло дома, с родственниками, как готовится к школе – опять в этом году новый первый класс. Телефон каждую минуту прерывался, и нужно было набирать номер снова. Любимая спохватилась и начала расспрашивать: «А у тебя как дела?»; «Как твоё здоровье?»; «Нет ли аллергии?». Чтобы Вика не расстраивалась, я просто ответил: «У меня всё хорошо, а аллергии у меня на Севере никогда не было, ты же знаешь. Где здесь взяться пыли или пыльце?». На четвёртой минуте попрощались, я пообещал позвонить, как только будет возможность. Раздались долгие гудки, я медленно положил трубку. С одной стороны, я был рад услышать любимый голос, а с другой стороны, навалилась гнетущая тоска. Придя в вагончик, достал ноутбук, включил музыку, чтобы развеяться, немного отвлечься. А там такая правдивая, прямо в тему песня Николая Расторгуева, разрывая душу, давила своим содержанием, я стал подпевать до боли знакомые слова:

*Струйкой дым понесла тишина,
Запечалилась в небе луна.
Ну и пусть – мне печаль не страшна.
Главное, что есть ты у меня!
Про себя втихаря помолюсь,*

Закурю и опять зарекусь.

Жаль, что только сейчас понял я —

Главное, что есть ты у меня!

А ты там, там, там, где смородина растёт,

И берёза тонким прутиком песок метёт.

А ты там, где весна, а я здесь, где зима...

Главное, что есть ты у меня!

Фотокарточку нежно храню.

Ты смеёшься на ней, я кричу.

Я вернусь, по-другому нельзя,

Потому что есть ты у меня!

Вновь поход, и опять мы идём,

Ловим воздух, как лошади, ртом.

Ну и пусть впереди западня.

Главное, что есть ты у меня!

А ты там, там, там, где смородина растёт,

И берёза тонким прутиком песок метёт.

А ты там, где весна, а я здесь, где зима...

Главное, что есть ты у меня!

Вечером на ужине Володя сообщил новость, что Сергей запустил водяную скважину ППД¹⁵, которая перекачивала воду с уровня пятисот метров в нефтесодержащий пласт на глубине двух километров. Это нужно для поддержания пластового давления. Постепенно на всех кустах давление стало восстанавливаться, и даже некоторые скважины стали вновь

¹⁵ Водяные скважины ППД – водяные нагнетательные скважины служат для поддержания пластового давления.

фонтанировать.

Глава вторая. Скважина № 13

Следующий капитальный ремонт предстояло по графику сделать на пятом кусту на скважине № 13. Она была с драматичной историей. Когда её бурили, произошёл выброс с возникновением пожара. Потушили и загерметизировали скважину только через месяц, всё это время пламя из обсадной колонны под высоким давлением вырывалось на сотню метров из земли. После аварии останки расплавленного металла и скелета буровой вышки оттащили в тайгу недалеко от куста, дабы не было видно с дороги, с целью не раздражать работников видом изуродованных скрученных остатков буровой. После этого пожара дебит на всех кустах снизился примерно на тридцать процентов. И вот теперь предстояло заменить насос на этой чёртовой скважине. Мощность насоса превышала пятьсот киловатт, и поэтому обслуживание осталось за «Шлюмберже», чему я был безумно рад.

При подъёме НКТ неожиданно скважина ожила, несколько раз фонтанировала, но периодически захлёбывалась, давая бригаде КРС работать. Но после подъёма ЭЦН начала фонтанировать непрерывно, усиливая мощность выброса. На вторые сутки фонтан с напором бил с такой силой, что его невозможно было закрыть. Весь куст накрыло облако метана. От начальника промысла поступила команда отключить

все электроустановки на пятом кусту. Я с электриками прибыл, проверил своё оборудование. Несколько станций управления и трансформаторов пришлось оттирать от рыжей нефти.

Мастер КРС вызвал специалиста из МЧС¹⁶, который впоследствии снял этого мастера с должности. Новый временный начальник ликвидации аварии непосредственно сам руководил глушением скважины и дальнейшими работами по замене ЭЦН. Пытались заглушить скважину агрегатами, но это было временным решением: в агрегате воды всего восемь кубов. Поэтому подключили агрегат с насосом, который качает воду в скважину из озера, находящегося рядом. Фонтан уменьшился до простого постоянного перелива, стало возможно спускать новое погружное оборудование в скважину. Сергей выполнил строго по инструкциям монтаж своей установки и спокойно ждал времени запуска насоса.

Через два дня вечером Сергей уехал на запуск частотного привода. После обеда я зашёл в вагончик-штаб, чтобы узнать, куда переехал КРС. На моё удивление, Сергей станцию, оказывается, ещё не запустил.

– Как так? Он же вчера вечером ещё уехал.

– Да вот так, – не скрывая недовольства, ответил Вадим Петрович. – У тебя есть полчаса?

¹⁶ В МЧС России существуют подразделения по предупреждению и ликвидации открытых газовых и нефтяных фонтанов. На месторождение был направлен специалист со специальным инструментом для глушения скважины на обсадной колонне силами бригады КРС.

– Да хоть час, я же на вахте.

– Ты бы, Аркаша, съездил посмотрел, что там к чему.

– Хорошо, Вадим Петрович, пусть вахтовка к вагончику подъезжает, а я пока каску и инструменты возьму.

Через полчаса я был у станции злосчастной скважины № 13. Смотреть на Сергея было жутко, бросается в глаза, что он не соображает, что делает. Весь заросший, взлохмаченный, зрачки расширенные, движения плавные, заторможенные. Третьи сутки он практически без сна находится на кусту, где до сих пор стоит резкий запах углеводородов. Поприветствовав Сергея, я поинтересовался, что у него случилось.

– При запуске большие токи, частотный привод не раскручивает насос и выдаёт аварию.

– Что ты делал?

– Да что только не делал, – уставшим голосом пояснял Сергей. – Утром перевёз и поменял новую станцию управления – результат аналогичный. Ещё этот чудак на букву «М» каждые полчаса вбегает и кричит: «Когда запустишь?» да «Когда запустишь?». Задолбал уже. Вон он снова бежит, спотыкается.

На ростверк вихрем влетел невысокий человек с красной мордой, неопрятно одетый наполовину в робу, наполовину в гражданку, весь дёрганный, постоянно поправляя очки в тёмно-коричневой оправе.

– А ты кто такой? – Он впервые увидел меня на пятом

кусту. – Что ты тут делаешь?

– Вообще-то я здесь работаю уже третий год, обслуживаю оборудование «Новомет».

– А-а-а, – многозначительно протянул собеседник, не найдя, что ответить мне, и обратился к Сергею, резко поправив очки: – Когда запустишь станцию?

– Сейчас разберёмся, дай нам полчаса и уйди, не мешай. Нам здесь лишняя суета не нужна.

– Да как ты смеешь? – выпучив глаза так, что, казалось, они вылезут из орбит. Он ещё что-то бурчал себе под нос, а когда понял, что на него не обращают никакого внимания, выкрикнул, убегая с ростверка: – Я буду жаловаться. Я на всех вас докладную напишу.

Я подошёл к трансформатору, не обращая внимания на выкрики МЧС-ника, посмотрел по схеме, на какое напряжение он настроен, переписал показания приборов в блокнот, достал инструмент и стал менять обмотки трансформатора.

– Сергей, ты бы пошёл к КРС-никам, отдохнул у них в вагончике. Я закончу, тебя позову, без тебя всё равно запускать не буду.

– Нет, спасибо, я не пойду, я здесь должен быть. А что ты хочешь делать?

– Сейчас увеличим напряжение на пятьдесят процентов, а частоту ты пока выставь на тридцать герц максимум.

– И что это нам даст?

– Эх, Серёжа-Серёжа, – с грустью в голосе, но не крити-

кую, я стал пояснять: – Вот, смотри, в блокноте я всё рассчитал. При настройке на пятьдесят герц напряжение при выходе из частотника триста восемьдесят вольт, при увеличении напряжения на пятьдесят процентов получаем пятьсот семьдесят вольт. При снижении максимальной частоты до тридцати герц получаем напряжение в триста сорок вольт, то есть ниже номинала, но при этом на данной частоте момент и сила тока будут равны почти номинальным значениям. Если насос заклинен, значит, повышенный момент на данной частоте должен его раскрутить. Всё ясно?

– Да. Вроде всё ясно, – растягивая слова, ответил он. Сергей подошёл к станции управления и выбрал максимальную частоту в тридцать герц. И пока я возился с трансформатором, он сел на ящик с инструментом, прислонился к ограждению ростверка и тут же уснул. Через пятнадцать минут у меня было всё готово к пуску, я кое-как растолкал Сергея.

– Что, Сергей? Вот так всегда, только начнёшь работать, обязательно кто-нибудь разбудит. – Но Сергею было не до шуток. – Видок у тебя, конечно, не айс. Тебе бы отдохнуть. Давай жми «Пуск», всё готово.

Сергей поднялся и, шатаясь, подошёл к станции, нажал кнопку. Станция запищала и через четыре секунды остановилась на частоте двенадцать герц по аварии «превышение тока IGBT модуля».

– Ну, всё понятно, жёсткий клин у насоса, – констатировал я. – Нужно поднимать установку.

– Этого не может быть, я проверял вращение перед самым спуском, насос вращался вместе с двигателем от руки, – чуть не плача возражал Сергей. – Меня вообще уволят, вал у одного насоса сломал, эту установку неправильно собрал – получается, снова накосячил. Но это не так, я всё проверял. Что ещё можно сделать?

– Предлагаю последний вариант. Давай поменяем направление вращения насоса не на частотном приводе, как ты уже делал, а с заменой двух фаз на трансформаторе.

– Я только за, – оживился Сергей в надежде на чудо.

Я отключил питание и перекинул две фазы.

– Пускай, – сказал я Сергею, но понимал, что это мало что изменит.

А чуда и не случилось, станция так же, по тем же параметрам остановилась. Я молча отключил станцию и стал возвращать обмотки трансформатора в прежнее состояние. Сергей отошёл в сторону, он смотрел вдаль, на водную гладь болота, окружающего ростверк, смотрел на противоположный берег с невысокими соснами и лиственными деревьями. Ком подкатил к горлу, но слёз не было, усталость съела всё. Только сейчас напряжение ушло в сторону, а усталость навалилась. Было видно, как ноги непроизвольно подкосились, Сергей еле удержался за поручни.

– Пойдём, я всё восстановил, – сказал я, подойдя к Сергею. – Здесь уже делать нечего. Ты сделал всё, что мог. Не знаю, что там произошло, но погружная установка у тебя

сломана. Как говорится, вскрытие покажет. Ты лучше сам доложи сначала этому чудику из МЧС, а затем начальнику промысла.

После ужина я зашёл к Вадиму Петровичу. Сергей ему уже всё доложил, но Петрович ждал информации от меня. Я подтвердил свои догадки: вариантов нет, нужно поднимать установку, и только при демонтаже погружного насоса можно будет конкретно вынести вердикт, что произошло. А вот вопрос Вадима Петровича меня слегка насторожил.

– Аркаша, а у тебя насос на пятьсот киловатт есть?

– Нет, – уверенно ответил я, прекрасно зная, какое оборудование есть на месторождении. – Максимальная мощность насоса на четыреста восемьдесят киловатт.

– Ладно, я запишу. Иди отдыхай, а завтра с утра прошу подойти ко мне, смотри никуда не уезжай.

– Да я вроде никуда и не планировал ехать. Все свои скважины восстановил – которые поддались.

– По тебе видно, – расплылся в улыбке Петрович. – Рука не дрогнула при бритье?

– Нет, зато избавился от чесотки, и мне кажется, что кожа помолодела.

– Это тебе только кажется. – Вадим Петрович почесал свою покрытую сединой бороду. – Действуем, как договорились.

Мы попрощались крепкими рукопожатиями, и я пошёл к себе, а Вадим Петрович продолжил готовить отчёт. Был от-

чётный период – конец месяца. Полвахты пролетело в аварийной суете, как один день.

Придя в вагончик, лёг спать. Открыл книгу, которую оставил сменщик, прочёл полстраницы, глаза закрылись, и пустота накрыла меня. Тьма расступилась, и я очутился на ровной круглой лужайке, покрытой голубой травой, колыхающейся на лёгком ветру, вокруг был белый плотный туман. Пошёл вперёд, сначала медленно ступая, ощупывая поверхность, затем быстрым шагом. Поняв, что это не лужайка, а огромный луг, я побежал вперёд. Засим взлетел, набирая высоту, туман стал растворяться. Перед взором открылась волшебная страна. Волшебство было во всём: и в высоко над землёй парящем замке в готическом стиле, и в цветовой гамме расстилающегося ковром леса, над которым парил в воздухе я, пролетая на бреющем полёте над макушками огромных деревьев. Вдруг пронзительный свист привлёк моё внимание. Посмотрев вверх, увидел чёрного дракона, пикирующего на меня. Вдруг липкий страх овладел мной, холодный пот выступил на спине и на груди. Потеряв воздушность, я стал падать в бездну, и мрак снова поглотил меня. Вздвигнувшись во сне, весь мокрый, в холодном липком поту я проснулся.

– Всё, «Игры престолов» перестаю смотреть, – тихо прошептал я сам себе, взял часы со стола, посмотрел на время. – Однако быстро ночь пролетела, уже пора вставать.

Встал, умылся, оделся и вышел на улицу.

Солнце поднялось высоко над горизонтом, мошка и кома-

ры жужжали и пищали как заведённые. Редкие белоснежные облака напоминали о том, что сегодня дождя не планирует-ся. Как всегда, в хорошую погоду так и хочется сказать – лепота. Хотелось бы сегодня сходить куда-нибудь в лес на часик, собрать грибов и ягод, хоть перекусить дарами природы. «Пожарить бы грибы с картошкой и ягоды натолочь в чае. Но сначала нужно пойти в штаб, как вчера обещал Петровичу», – промелькнула мысль, когда шёл по тропинке среди ягеля.

– Аркаша, поздравляю тебя, – заявил Вадим Петрович, широко улыбаясь во всё лицо, как только увидел эцэнщика. – Согласовали замену насоса на тринадцатой скважине на вашу новометовскую установку.

– Так у меня же нет такой мощной установки, – возразил я.

– Ничего страшного, технологи согласовали установку на четыреста восемьдесят киловатт. Так что готовь оборудование. Вот заявка. Ночью будет монтаж.

– Так подождите, нужно ведь разобраться, что с установкой «Шлюмберже» случилось.

– Да что там разбираться! Ты же сам знаешь, что в таких ситуациях может быть только одна неисправность – это заклинило муфту по ошибке при монтаже.

– Сергей говорит, что он проверял вращение после полной сборки.

– И ты ему веришь? – Вадим Петрович пристально по-

смотрел прямо мне в глаза. – Тогда скажи, что ещё могло случиться? У тебя есть варианты?

– Нет, но я бы дождался сначала демонтажа, чтобы делать выводы.

– Но всё же аргументов у тебя нет. Готовь своё оборудование. Поедешь с Сергеем на демонтаж, я не приму акт демонтажа без твоей подписи. Жду в акте только достоверные и обоснованные выводы. Иди возьми кран-площадку, тебе ведь наземное оборудование ещё нужно сегодня завести и подключить.

– Ну вот, не было печали, купила баба поросю, – прокомментировал я сложившуюся ситуацию, выходя на улицу.

– Подожди, не уходи, позвони своим, а то у меня уже телефон красный от этих звонков.

– Эх, сейчас я всё про себя узнаю. – Я сел за стол, на котором стоял телефон, и набрал знакомый номер начальника участка на Вынгапуре. После стандартных приветствий стало слышно, как в трубку начали орать:

– Ты почему на связь не выходишь?

– Как почему? Потому что нахожусь постоянно на кустах, – стал возражать я. – Проведите телефонную связь по всему месторождению и тогда спрашивайте.

– Ты чё пререкаешься, – не унимались в трубке.

– Вы хоть понимаете, что с утра, до того как вы ещё проснулись, я уже выехал на куст? Короткий обед, и снова уезжаю. Приезжаю, когда вас уже на месте нет, а потом ещё

ночью еду на демонтаж/монтаж, и так каждый божий день! – На лбу у меня появились капельки пота, рука, сжимающая трубку, побелела. – Когда мне спать прикажете?

– Я всё понимаю, – сменив крик на нормальный тон, ответил начальник участка. – Но звонить ты обязан каждый день.

– Во-первых, пришлите мне в помощь монтажников, а во-вторых, составьте мне график работы, как я должен, по-вашему, работать. Так как я на вахте, составьте его согласно КЗоТу, двенадцатичасовой рабочий день с полноценным отдыхом. Не забудьте в график включить приём пищи и время на бестолковые телефонные переговоры. – Я бросил трубку, не прощаясь и не дождавшись криков с обратной стороны.

– Извините, Вадим Петрович, нервы уже ни к чёрту.

– Что, ругают?

– Нет, поздравили с новыми объёмами. – Я тяжело поднялся и, выходя, добавил: – «На свете нет ужаснее напасти, чем идиот, дорвавшийся до власти».

Настроение сразу испортилось. Так и направился за инструментом. Нужно было выбрать время и сделать визуальный осмотр станции управления и силового трансформатора напряжения. Затем проверить и сверить с заявкой погружное оборудование, заправить трансформаторное масло в канистру, проверить, испытать мегомметром погружной кабель и подготовить прокладки, монтажные гайки. В суете время пролетело незаметно, только в семь часов вечера я освободился, после ужина прилёг отдохнуть, так как в

одиннадцать ночи нужно выезжать. Демонтаж предварительно назначен на полночь. Но мне уснуть не удалось, от тяжести болела спина, и предплечья рук невыносимо ныли. На последнем демонтаже от боли я не смог открутить болты на установке, хорошо, бригада из капитального ремонта помогла. А сегодня при подготовке универсального хомута-элеватора рука сама разжалась, не в силах удержать его. «Ещё один монтаж могу не выдержать. А ведь только половина вахты прошла», – подумал я, переворачиваясь на другой бок. Боль в руках не прекращалась ни на секунду, от таких мучений точно не уснуть, посмотрел на часы – через полчаса вставать. Но и валяться уже не хотелось. Я поднялся, надел робу, включил чайник и вышел на улицу. На улице моросил дождь, низкие тучи затеняли бледное светящееся небо. «Тоска зелёная», – подумал я, заходя в вагончик.

Перекусив, взял инструмент и направился к машине, с вечера приготовленной для монтажа погружной установки. Со мной в кабину третьим сел заспанный Володя. Сергей со своим инструментом сел в автокран. В обычном случае работа у меня началась бы как минимум через четыре часа, всё зависит от того, как пойдёт демонтаж у Сергея, но в данной ситуации разбор погружной установки будет комиссионный – общий, с подписью трёхстороннего акта.

Подъехали к скважине № 13 на пятом кусту. Бригада КРС уже закончила работу, к подъехавшим машинам, спотыкаясь, бежал начальник аварийной бригады МЧС. Не поздоро-

вавшись, он начал орать:

– Вы где были? Бригада закончила полчаса назад, а вас до сих пор нет.

– Не шуми, – вылезая из кабины, возразил ему мастер добычи. – Вы сами назначили демонтаж ровно на полночь, а сейчас двадцать три тридцать.

– Когда вы закончите? – не обращая внимания на ответ, сыпал вопросами нервный руководитель ликвидации аварии.

– По регламенту восемь часов на разбор установки, час на погрузку-разгрузку оборудования на салазках и восемь часов на монтаж погружной установки, – констатировал я.

– Сколько-сколько? Семнадцать часов? – У собеседника дар речи пропал, он, как рыба, молча раскрывал и закрывал рот, весь трясся и махал руками.

– Да не бзди, это время, максимально нам отведённое по регламенту. Дай бог, сделаем быстрее.

Не найдя что ответить, он развернулся и вприпрыжку направился в свой вагончик досыпать. Коллеги поднялись на приустьевую площадку для ремонта погружного оборудования. Из скважины бил небольшой фонтанчик, сантиметров двадцать в высоту. Вода переливалась под скважину на грунт и текла по неглубокому арыку в озеро, из которого воду под давлением снова закачивали в скважину. Такого глушения скважин я ещё никогда не видел. Подошла ночная смена бригады КРС, и работа закипела. Они открутили последнюю

трубу НКТ и хотели уже поднимать насос, как Сергей их остановил. Он достал подходящую муфту и проверил вращение. Вал в насосе стоял мёртво, вращения не было.

– Вся установка заклинила, верно? – за Сергея констатировал я факт, показав мастеру добычи, что насос не вращается.

– Да, Аркадий, ты был прав. – Володя посмотрел на Сергея, комментарии были излишни.

Подняли и отсоединили первую секцию насоса. Проверили отдельно верхнюю секцию – на ней был клин, но и вал остальной установки тоже не вращался. Это насторожило меня. «Такого не может быть».

– Ты точно проверял всю установку в сборе? – обратился я к Сергею, но свои сомнения не высказал, сначала нужно всё тщательно проверить.

– Да, я на сто процентов уверен, что собрал всё верно. Она вращалась, мамой клянусь! – Веко у Сергея над левым глазом подёргивалось, губы и подбородок дрожали.

Продолжили дальнейший демонтаж установки. Следующая секция при разделении не вращалась. И остальные две секции тоже при разделении были в жёстком клине. У двигателя вал вращался нормально.

– Пошли писать акт, – обратившись к коллегам, сказал я.

– А как же монтаж новой установки? Потом бы написали, – переспросил Володя, ему очень не хотелось сидеть на монтаже до утра под морозящим дождём.

– А ты не понимаешь, что произошло? – Я прямо посмотрел в глаза Володи, но уверенного взгляда не увидел, он был скорее рассеянный. – Насос, собранный Сергеем, был исправным до того момента, как его опустили в скважину. Вот этот идиотский способ глушения скважины при откачке воды из озера и привёл к неисправности УЭЦНа. Пойдём вместе посмотрим.

Они подошли к озеру. Шланг от агрегата по земле уходил под воду, лёжа на грунте.

– Вот вам и картина маслом. Вместе с водой закачиваем песок в скважину. Мелкий песок забил две секции на входе при спуске, а при подъёме и демонтаже, скорей всего, забил последнюю, четвёртую секцию, – резюмировал я. – Я в таких условиях опускать в скважину свою установку не дам.

– Пойдём к барану, который всё это придумал, будем объяснять.

Пересказывать то, что произошло в вагончике у начальника ликвидации аварии, не стану. Никто из коллег не слышал такого красноречивого мата никогда в жизни, даже в армии. Мат с угрозами лился нескончаемой рекой, он бурлил, утихал и с новой силой выплёскивался на спокойно стоявших нефтяников. У Сергея не было сил не то что возражать, а даже выслушивать. Володе было интересно слушать такие пируэты, он готов был даже записывать их, ведь за полчаса излияния нецензурных выражений МЧС-ник ни разу не повторился. Лично мне было противно видеть бездарного ру-

ководителя, который все свои ошибки переваливает на коллег. После очередной порции желчи и нецензурной брани начальник ликвидации аварии начал угрожать:

– Я сейчас позвоню вашему генеральному директору!

– Да хоть министру обороны! – Мне уже порядком надоело выслушивать эту ересь.

– Я последний раз предупреждаю! Я считаю до трёх!

– А я бы на вашем месте вычеркнул эту фразу из резюме.

В ответ новая волна негодования с нецензурной бранью накрыла вагончик.

– Короче, орать можешь сколько хочешь, я свою установку опускать в скважину с песком не позволю, хоть министру энергетики иди жалуйся. Если хочешь, чтобы я монтировал ЭЦН, заглуши сначала скважину как положено – соляным раствором, и лишь тогда вызывай меня на монтаж. Всё ясно? Разговор закончен! – Я не стал слушать возражений и вышел из вагончика, хлопнув дверью, другими словами, поставив жирную точку. Из вагончика доносились крики и угрозы: «Я вас всех уволю!» Надо отметить, угрозы не беспочвенные. Мастера бригады КРС перевели в помощники бурильщика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.